

Ему 71, и заслуг хватает. В мужской сборной работал с Кондрашиным и Гомельским. В женской помогал Капранову и Грудину. Был председателем тренерского совета РФБ. Профессор. Мы так и прозвали его между собой — Профессор.

Но под водой у этого айсберга что-то невероятное. Моментами мы переглядывались с сомнением — и Луничкин той же секундой усмехался. Доставал в подтверждение экзотический орден или фотографию. Из Северной Кореи вернулся с высшей наградой для иностранных граждан — орденом Дружбы. За плечами еще работа в Ираке, Иордании, Палестине, Непале.

Его жизнь напоминает сказку, которая рвется на волю. В газеты и книжки. Такие истории тяжело держать в себе.

Только давно уж никто Профессора не расспрашивал.

«СТАРУШКИ»

— К РФБ сейчас отношение имеет?

— Никакого. Претензий нет, руководство федерации поменялось. Напрашиваться я не стал. Не так давно закончился контракт с министерством спорта, где был старшим тренером Центра подготовки сборных. Теперь езжу с семинарами по городам, работаю с командой Московского технологического университета связи.

— А ведь в свое время едва не возглавили женскую сборную России.

— Да, стоял вопрос — меня назначать или Грудина. Но самарский олигарх Ищук (хозяин команды ВБМ-СГАУ, которую параллельно со сборной тренировал Грудин. — Прим. «СЭ») просто придавил Чернова деньгами.

— **Что ждать от сборной на Олимпиаде в Лондоне?**

— Я неплохо отношусь к Соколовскому, но в него не верю. После ухода Капранова у девочек спад. Они так устроены — сами вкалывать не будут. Беда в том, что сегодня в тренерском штабе сборной нет волевого человека. Нет волка, который цапнул бы. В паре Капранова с Луничкиным он был волчок, а я — добрый. Потом я оказался драконом, а добрым — Грудин. Теперь же интеллигентный методист Соколовский, и рядом — никого.

— **Капранов роль «доброего» не вытягивал?**

— Он по натуре не мог быть таким. Человек хороший — но считает, что он великий мужской тренер, а Гомельский его «сожрал». Поэтому-то и пришлось работать с девочками. Его не радовало ничего — хоть именно Капранов с нуля создал женскую команду. И как ему быть добрым? Знаете, с чего у Капранова начиналось утро?

— **С чего?**

— Материл первого, кто попадался на глаза. Так я решил специально его искать по утрам — чтобы на меня спускал полкана. Мы даже дружили. Как ни странно.

— **Грудин, значит, другой?**

— Я был категорически против того его назначения. Он по волевым качествам не способен прижать девчонок. У нас резко упал темп тренировочного процесса.

Понемножку старушки начали руководить.

— «Старушки» — это кто?

— Степанова, Корстин. Раньше на моих тренировках они обращивались к Капанову — тот грозил им кулаком. А когда обращивались к Грудину, тот сразу подбегал: «Валера, потише...» Но была у Грудина мечта — обыграть американок. Разработали стратегию. Подумали: быстрее их никогда не побежим, выше никогда не прыгнем. Что можем? Предложить жесткую игру. Погасить их скорость. Два года учили девчонок в боксерском зале выставлять локотки.

— Помогло?

— В 2006-м в полуфинале чемпионата мира грохнули американок. Пару раз воткнули локтями — и всё, они поплыли. По ходу матча мы вели 20 очков! Жалко, в финале проиграли Австралии.

— С кем из баскетболисток вам было трудно найти контакт?

— С Карповой и Степановой. Боялись повышенных нагрузок, не воспринимали мои упражнения. Да и стервы они по характеру.

— А кто удивлял добротой?

— Соколовская. Корстин где-то посередине. Умная, доброжелательная, но всегда четко гнет свою политику. Про таких говорят: в тихом омуте черти водятся.

— Баскетболистки умеют нарушать режим не хуже, чем мужчины?

— Конечно. На банкетах девчата ведут себя прилично, зато втихаря могут оторваться. До сих пор с ужасом вспоминаю возвращение из Афин в 2004-м, после Олимпиады.

«ИНДЕЕЦ»

— Сергей Белов написал в своей книге об Александре Гомельском: «Он считал, что конфликт в команде только на пользу. Стравливал постоянно опытных и молодых, сборников и несборников...» В самом деле?

— Да, Гомельский первым из наших тренеров сообразил, что иногда команде необходим искусственный конфликт. Говорит, допустим, Ивану Едешко: «Сегодня ты полное фуфло. Даже Еремин об этом сказал». После Стасу шепнет: «Да, не тянешь уже. Нужно Ваньку вместо тебя ставить...» И действительно работало! Ребята заводились с пол-оборота. Но в женской команде подобные вещи не проходят. Там и без того сложностей хватает. А Гомельский, кстати, первым стал применять еще и метод внушения.

— Это как?

— Заканчивал тренировки расслабляющим гипнозом. Все игроки ложились, закрывали глаза и тянули за ним хором, как мантру: «Мы — великие баскетболисты! Гомельский — великий тренер! Вместе мы непобедимы...» Ну и в таком духе. Вдруг как-то слышу: «А ты, хрен собачий, почему там?!»

— Кому это он?

— Мне. Заметил, что в углу штангу тягаю. Гипноз прервал, расшумелся. Я штангу бросил и поскорее к ребятам. Лежу, глаза прикрыты, и повторяю все, что говорит Гомельский.

— Дома у него бывали?

— Нередко. Придешь к нему, кивает на полку: «Вон коньяки — выбирай любой. Сейчас яичницу приготовлю». Вообще Гомельский — человек чести. Если обещал что-то — слово держал. Решал любые проблемы. Когда мне дали квартиру без телефона, рассказал об этом Папе. Так уже на следующий день у меня стоял аппарат!

— **Но работать с Гомельским было нелегко?**

— Да вот пример. Сбор в Новогорске. Гомельский ночует дома. В 8.00 вывожу без него команду на тренировку. Мышкин говорит: «Георгич, не надо. Влетит». И что вы думаете? Подъезжает Папа на «Волге»: «Ты уже главный? Меня не ждешь, сам тренировку проводишь?» На следующее утро история повторяется. Гомельский опаздывает, я думаю — ну нет, буду сидеть, ждать. Появляется он — и в крик: «Что за дурень? Зачем тебя держу?»

— **До этого в сборной вы помогали Кондрашину. Его гнев на себе хоть раз испытали?**

— Был эпизод на сборе в Сухуми. Кондрашин мучился язвой и держал в бутылке разбавленное мумие. Жутко дорогая вещь в те времена. Вечером мы пожарили шашлык, открыли вино. В 6 утра Кондрашин по обыкновению был на ногах и пошел к морю. Взял с собой второго тренера Серегу Башкина и доктора Виталика Карчевского. А я просыпаюсь, голова раскалывается, думаю — хорошо бы здоровье поправить. Номер Кондрашина напротив, не заперто. Захожу, вижу початую бутылку коньяка. Залпом выпиваю — и спать. В таком состоянии был, что даже не почувствовал — не коньяк это вовсе, а мумие.

— **Ужас.**

— Спустя полчаса раздается страшный вой. Кондрашин в ярости швыряет мою сумку в коридор, выгоняет со сбора. Спасло, что Башкин был моим аспирантом. Кое-как успокоил Кондрашина, к обеду тот оттаял.

Вот еще со сборов хохму вспомнил. В Друскининкае Толя Блик закадрил девицу. Прыгнул с третьего этажа в сугроб — и к ней. На снегу остался след от задницы. Утром построение. Кондрашин под окном след увидел и командует: «А ну-ка сюда. Садись по очереди». И Блика моментально раскусил... Знаете, у каждого тренера есть суперидея. Лишь у Кондрашина не было. Он «индеец».

— ???

— Необразованный мужик. Окончил техникум, и всё. Но мог понюхать — и понять, кого выпускать. Такого я больше не встречал. Кондрашин только на этом выигрывал! Остальные побеждают за счет суперидеи. Веры в свою систему подготовки. К примеру, Гомельский на Олимпиаде-80 сделал ставку на высокорослых игроков. В сборной было пять великанов по 2,12. Но результат оказался неважный — бронза. И тогда Гомельский пересмотрел собственную концепцию.

Умение менять системы подготовки мне потом за границей пригодилось. Шесть лет отбарабанил в разных странах. Больших денег не платили. Но если выиграешь Арабские игры — получишь двадцать тысяч долларов. В КНДР за победу на молодежном первенстве Азии давали 40 «штук». Стимул!

ДЕД СМОРЧОК

— Тренировать женскую сборную Северной Кореи — в этом есть что-то героическое...

— 1998 год. Посмотрели корейцы три дня на мою работу и говорят: «Мы тебе, гражданскому, не можем платить нормальные деньги. Записывайся в нашу армию». В посольстве к такому варианту отнеслись без восторга, доложили контрразведчику. Тот обрадовался: «Да это ж клад для нас!» И через сутки пришло разрешение, чтоб я служил в корейской армии.

— В каком звании? Генерал-фельдмаршал?

— Старший полковник. С пунктом в контракте: «На любое общественное мероприятие имею право взять представителя посольства». Иначе никак. Корейцы догадывались, что буду таскать за собой контрразведчика — но не обращали внимания.

— **Интересного много было?**

— Предложили мне национальную команду — я отказался: «Это отработанный материал. Дайте 17-летних, за полтора года сделаю их чемпионками Азии». Сам отобрал двадцать девочек, посадил на трехразовые тренировки. Выиграл молодежное первенство — пригласил Ким Чен Ир. Подарил команде шикарную базу за городом. За мной личного повара закрепили, парикмахера...

— **Зачем? Вы же лысый.**

— Я подумал — издеваются. С юмором у корейцев вообще порядок. В команде меня называли «Харабуди». Долго считал, что переводится как уважаемый или любимый. А потом выяснилось, что это — Дед Сморчок!

— **Смешно.**

— Зато девчонкам вскоре стало не до смеха. Приехал к нам на игру «Уралмаш». Чувствую — мои боятся. Попросил у начальника физподготовки армии самолет, заставил их с парашютом прыгать. И сам сиганул первый. У меня-то опыт был, а они визжали. Следом с американским колледжем играть — снова испугались. Я устроил им турнир по боксу. А корейки — злые, как собаки. Наутро у всех опухшие лица. Воспитывал девчонок жестко. Голос повышал. Это и сгубило.

— **Как?**

— Однажды во время матча очень уж кричал — даже зрители возмутились: «Оскорбляя

девочек, ты оскорбляешь Корею!» Посадили меня под домашний арест. Военный прокурор начал дело шить, светило пять лет тюрьмы. Спас меня тот контрразведчик. Ночью появился в окне третьего этажа на веревке: «Пошли!» Вытащил на ней. Переправил через границу — и в Китай. Два дня там торчали, затем дал бумагу: «Пиши на имя маршала КНДР, что ты, офицер, защищал честь корейской армии. Потому что подсуживали...»

— **Вернулись в Пхеньян?**

— Да. Так мне корейцы медаль вручили. А после — орден Дружбы. Чистое серебро.

— **Да ладно.**

— Вот он, смотрите. А вот на фотографии мое награждение. Слева переводчица, а рядом любовница, официально приставленная корейским КГБ. Девушка-лейтенант. Отработал там год, на неделю улетел в Москву. Возвращаюсь — и ее приводят: «Был у нас кубинский тренер, так не выдержал, расторг контракт. Переживал, что не с кем сексом заниматься...»

— **Вы к тому моменту развелись?**

— Да. У меня было три жены. Одна фигуристка — она зимой на сборах, я летом. Расстались. Вторая — манекенщица из Латвии. Тоже не сложилось. Еще цыганка была. Из знаменитого рода Деметров. Когда в 60-е подрабатывал в малаховском институте физкультуры, встретил там профессора Деметра. Жил я в общежитии, а он пригласил домой, на столе огромная индюшка, песни, гитара. Вернулся в общагу, думаю: что здесь делаю?! Профессор не прочь был меня на дочке женить — я уже защищался. По тем временам 25-летний кандидат наук — выгодная партия. На свадьбе и медведь был, и пляски, и старая цыганка нагадала кучу детей.

— **Долго прожили?**

— Недели через две понял — куда-то не туда меня занесло. Бесперывно табор перед глазами, незнакомые люди, с женой поговорить не о чем. Хотя она исполнила мечту всех цыган — спела Кармен в Большом театре. Честно цыганам объяснил, почему ухожу, — так едва не прирезали. Я досрочно заканчивал аспирантуру — планировалось, что дадут лабораторию в Москве. Но у Деметра такие были связи, что о столице пришлось забыть. Сослали в Омск. А вот фотография Ульяны Семеновой. Я ведь и на ней чуть не женился!

— **Вот это поворот!**

— Лидия Алексеева позвала в 1978-м помощником в женскую сборную. Год во мне души не чаяла — а на второй девки начали поддушивать: «Не то! Не так!» Тут поездка в Японию. За Семеновой ухаживает парень из сумо. На своем грузовичке привез ей полный кузов роз. Предложил остаться — но она член ЦК комсомола, кто ее отпустит? Заходит Ульяна ко мне: «Георгич, ну их к черту. Ничего не разрешают. Давай поженимся? Полкоманды точно пойдет за мной, ты будешь главным тренером, выиграем Олимпиаду».

— **А вы?**

— Оторопел. Говорю: «Уля, это невозможно». Днем-то ладно — но муж с женой еще и ночью должны быть вместе... Семенова обиделась. Я, кстати, горжусь, что ни с одной девушкой из своей команды не переспал.

— **Опасались, что на шею сядут?**

— Нет, просто считаю, что это несовместимо. Здесь мы с Равилем Череметьевым мыслим одинаково. Про других коллег не скажу — не знаю их так близко. А из женской сборной СССР я ушел после московской Олимпиады. Правда, Алексеева мне «заслуженного тренера» не дала. Получил за Сеул.

КОЛОНИЯ

— Будет у вас четвертая жена?

— Не исключаю. Жизнь столько раз удивляла! Я ведь и родился-то на специальной барже. Это был плавучий роддом на Дону. Кто-то защищал диссертацию на тему «Анестезия родов при помощи качки». Попытался доказать, что если качает — они проходят безболезненно. Я вылезать не хотел, так акушерка потянула за ухо. В этот момент баржа повернула — и одно ухо мне расплющили.

— Прекрасное начало.

— А как мама с папой познакомились? Это фантастика! Папа был мелкий вор. В приличную банду не брали, голодал — и однажды заснул в какой-то шаланде. Течением прибило к Ростову. Сам мне рассказывал: «Гляжу — идет сумочка. Обрезал на ходу, заглянул — пусто. А девушка-то хорошенькая...»

— И что?

— Исцарапал себе лицо, шмыгнул в подворотню — и выскочил с криком: «Мадам, у вас украли сумочку!» Мать купилась. Привела его домой, отмыла, взяла к себе в комсомольскую бригаду. Вместе окончили институт — и папа ушел на финскую войну. Потом боролся с лесными братьями, дорос до министра пищевой промышленности Литвы. А когда Хрущева поперли, отца сослали в Туапсе. Возглавил комитет борьбы с ношением шорт.

— Больше сумочками не промышлял?

— Нет. Мне показал разок, как карманники тренируются. Нашивают колокольчики на карман — залезть надо так, чтоб не звякнули. У него и в возрасте руки все помнили. Вот как бывает — родители в расширенном составе ЦК, а сын даже комсомольцем никогда не был.

— **В КПСС вам вступить предлагали?**

— Как меня в партию принимать, если то в «Метрополе» подерусь, то в «Лире»?

— **Ого. Про «Метрополь» подробнее.**

— Какой-то грузин приставал к моей девушке. Я до этого ей плюшевого медведя подарил. Вырвал его — и грузина по морде отхлестал. Он в бассейн упал. Ясное дело, кипеш. Мне один начальник говорит: «Не знаешь, кого бить?» Грузин оказался блатным. Затем я поучаствовал в легендарной драке боксера Агеева. Слышали?

— **Конечно. Агеев вас бил?**

— Ну что вы! На Пушкинской, где нынче «Макдоналдс», прежде было кафе «Лира». Мы все там пропадали. Вите можно было и не помогать — он сам кому угодно тумачков раздал бы. Но я оставаться в стороне не пожелал.

— **Милиция повязала?**

— Не догнали, укрылся в переулках. Заскочил во двор — а тот глухой. Хлоп — в помойный ящик. Закрылся. Мент прибегает, встал около ящика. Смотрит на забор: «Наверное, Брумель был». И пошел.

— **Для Агеева драка закончилась печально.**

— Его вывели из состава сборной СССР. Сняли «заслуженного». А с меня и снимать было нечего. Потом с Виталькой Карчевским девчонку трясли возле Большого театра.

— **Боже. Зачем?**

— Дураки были. Решили раздеть ее своеобразно. За ноги взяли и трясли. Хотели, чтобы бюстгальтер с нее слетел. Да она сама была не против. Но тут милиция — и всё.

— **Странно, что при такой биографии вы в тюрьму не попробовали.**

— Попробовал. Дурацкая история. В Омске при институте физкультуры была баскетбольная команда, с которой я работал. Как-то в перерыве матча вызвали к декану. А оттуда человек в сером пальто отвел в КГБ. Посадили в одиночку. Я ничего не понимал. Оказалось, в столовой кто-то изготовил поддельные талоны. Судить меня не судили — но так просто из КГБ тоже не отпускают. Отправили в колонию-поселение.

— **Далеко?**

— Якутия, поселок Нижний Бестях. Рядом зона. Жил в домике с четырьмя мужиками, один из которых — бывший дантист, одессит. Посадили за то, что вставлял медные зубы под видом золотых. Восемь месяцев на делянке мы валили лес. А потом вызывают и говорят: «Нашли парня из вашей команды, который подделывал талоны. Вы свободны. Извините».

— **Что в колонии было самым тяжелым?**

— Холод. Ребята, минус 55 — это нечто. Помню, поехали с товарищем на тракторе «Беларусь», и он заглох посередь Лены. Кругом ни души. Мороз за 50. И видим собачью упряжку. «Собаки Ильяса, — вздохнул товарищ. — Этот не остановится...»

— **Почему?**

— Якут Ильяс — прораб, с которым я давно был на ножах. Наряды нам не подписывал. Меня он с удовольствием застрелил бы — но бросить замерзать не мог. Там это закон. Притормозил, молча посадил в сани и довез до дома.

ЗАКОНЫ ШАРИАТА

— **А в Иране в 1991-м вас за что в яму упекли?**

— За шорты. Еще в аэропорту Тегерана наткнулся на плакат: «Ты в стране ислама. Уважай ее законы». Написано на многих языках, включая русский. Но я значения не придал. В гостинице кинул чемоданы, переоделся в шорты и вышел на улицу. Метров через тридцать подскочили ко мне два бородатых мальчика, схватили за руки — и к мулле. Тот на бойком английском объяснил, что я нарушил законы шариата и теперь три дня должен провести в яме. Без воды и пищи. Но это не главное.

— **А что главное?**

— Яма в центре города. Каждый правоверный мусульманин, проходя мимо, обязан был в нее помочиться. А женщина — швырнуть камень. Если этого не сделают, их самих могли в яму засадить.

— **И сколько раз на вас пытались помочиться?**

— Много. Яма немаленькая — восемь на восемь. Так что носился по ней будь здоров, уворачиваясь от струи.

— **Вы там один были?**

— Нет, с англичанином, который сидел уже два дня. За то, что серьга в ухе и под хиппи подстрижен. К вечеру меня вытащили. Олимпийский чемпион по классической борьбе Николай Балбошин в Иране давно работал. Узнав о моей беде, помчался к начальнику иранского политуправления, тоже борцу, — и добился освобождения. Выручил Балбошин и когда из Ирана возвращались.

— **Как?**

— Контракт у Коли закончился, он сказал: «Всё, устал. Хочу домой. У меня самогон на даче припасен...» Алкоголь в Иране под запретом, за полгода выпить удалось всего разок. Кроме нас там были еще два русских тренера. Мы перевязали шарфами лица — дескать, зубы болят. И поехали по аптекам. Каждому отпустили по 50 граммов медицинского спирта. Дома эти двести перелили в бутылку, разбавили водой — нормально посидели.

А у меня с иранской федерацией не складывалось, и решил вместе с Балбошиным в Москву лететь. Говорю ему: «Ты везешь наличными 25 тысяч долларов, я — 18. Что будем делать в Шереметьеве?» — «Декларировать» — «Ты же понимаешь, что бандиты сразу прознают о деньгах. И далеко от аэропорта не уедем» — «Я все устрою».

— **Что придумал?**

— Когда на московской таможне в какой-то тазик Балбошин высыпал 25 тысяч долларов, все обомлели. Мне задают вопрос: «У вас сколько?» — «Чуть меньше» — «Ладно, не вытаскивайте». Документы у нас были в порядке, заработали всё официально. Но это ж 1992 год, сами знаете, какой беспредел был в России. Убивали на каждом шагу. И Коля попросил о помощи Отари Квантришвили, с которым дружил. Тот с четырьмя крепкими ребятами ждал нас прямо около таможни. Сопроводили до машин. Так по дороге все равно без приключений не обошлось.

— **В смысле?**

— Два автомобиля под видом такси с разных сторон начали перегораживать путь первой машине, в которой находились Квантришвили, Балбошин и два охранника. Я с остальными был во второй. А потом как в кино. Охранники вытащили автоматы, дали очередь — и по газам. Неподалеку от Речного вокзала Квантришвили вышел из машины, направился ко мне: «Я с Колей домой. А тебя мои ребята проводят до квартиры. Оттуда ни ногой! Утром они за тобой заедут, отвезут в банк, и спокойно положишь деньги».

В ГОСТЯХ У АРАФАТА

— **До Ирана вы трудились в Ираке. Саддама Хусейна видели?**

— Нет. Но познакомился с его сыном Удеем, председателем Олимпийского комитета Ирака. Он теннис любил. Как-то не явился его спарринг-партнер. А у нашей команды тренировка завершилась. Подходит начальник охраны: «Вы в теннис играете?» — «Да». И вот в течение нескольких месяцев мы встречались с Удеем на корте. Писали про него бог знает что, но на меня он произвел приятное впечатление. Интеллигентный, порядочный парень.

В Ираке работали 18 тренеров из Союза, в том числе Модя Паулаускас. Помню, пригласил Удей всю нашу компанию в рыбный ресторан. Разлили по рюмкам араку. Иракцы тоже пили — они, в отличие от тех же иранцев, не слишком ортодоксальные мусульмане. А Паулаускас рюмку отодвинул. Думаю, молодец какой. Принесли рыбу. Готовят ее на костре, до конца она не прожаривается. Модя пожевал кусочек — и вдруг вскочил, убежал в кусты. Вернулся бледный.

— **Живот скрутило?**

— Да. Оказывается, иракцы араку специально выпивают, чтоб эта полусырая рыба нормально шла. А Модя два дня мучился и проклинал собственную трезвость. Вскоре началась война с Кувейтом. Но с голоду мы не умирали. Удей распорядился, чтобы каждый день к нашему дому приезжал джип с продуктами. Багдад еще не бомбили, поэтому на родину я не рвался. Хотя многие наши разъехались. А потом прилетел Примаков и пригрозил лишить советского гражданства, если останусь. «Завтра отбывает последний самолет с нашими нефтяниками. Уже из Омана — отсюда лететь

опасно». Перевезли нас в Оман на машине и — домой.

— **Куда вас только судьба не забрасывала. Самая отвратительная точка на земном шаре, где побывали?**

— Вьетнам. С ним ничто не сравнится.

— **Разве вы там тренировали?**

— Нет, ребята, я во Вьетнаме на войне был. В 1966 году. Джунгли, газы. Оттуда все лысыми возвращались. Американцы, чтоб зелень уничтожить, сыпали порошок. Голову ничем не укроешь. Советский Союз поставлял во Вьетнам зенитные комплексы — и впервые сбили бомбардировщик «Б-52». Прежде не получалось, они высоко летали. Американцам хотелось захватить ракетные установки в джунглях — посмотреть, что это такое. А наши десантники должны были лечь костями, атаки отбить. Я командовал взводом выпускников института физкультуры. Вызывает контрразведчик: так и так, по дороге движется моторизованная колонна американцев. Надо задержать. «Почему именно мы?» — «Лишь вы можете туда добежать с боеприпасами за 45 минут». Нам самим было интересно — до этого лишь по мышам стреляли. Думаем — какие они, американцы?

— **И какие оказались?**

— Не трусливые. Нас было семеро. Двое погибли. Одного застрелили, другой в джунглях затерялся. Наверное, его кто-то сожрал.

— **Еще близко со смертью сталкивались?**

— Там же. Выглядывает рожа. А как определишь — «красный» это вьетнамец или «белый»? Прежде мы сразу палили, но с какого-то момента запретили. Пока я слова

по-вьетнамски складывал, он ка-а-к пульнет! Очередь дал из коротенького «Узи» — и в джунгли!

— А вы?

— Полез в чашу, догнал и убил. Тоже очередью. Страху не было. Минуту спустя дошло: «Господи, отвел...»

— А что любопытного было с вами в Иордании?

— После победы сборной на Арабских играх король Хусейн предложил стать воспитателем его детей.

— Чему учили?

— Подводному плаванию, с парашютом прыгать. Меня там называли «устас Валери». То есть «учитель Валерий». С нынешним королем Иордании, Абдаллой Вторым, посетил Мекку. Посмотрите фотографию — вот я, вот он. Королевская семья добиралась туда на верблюдах три дня. Я поехал с ними, с непривычки всю задницу себе на этом верблюде стер!

— Сочувствуем.

— Да это мелочь на фоне того, что позже испытал. Израильтянин в мечети расстрелял верующих. И палестинцы, которых в Иордании много, устроили европейцам резню. Идешь по улице, а тебе какой-нибудь мальчик втыкает нож под ребро. Вот и я так попал. Счастье, что ножик прошел по касательной. Но в больнице лежал, перенес операцию. А потом иорданцы на четыре месяца командировали в Палестину.

— Зачем?

— В контракте был пункт, что меня могут отдать третьей стороне. Никакие возражения не принимались — контракт есть контракт. Поселили в мусульманской части Иерусалима. Говорю сопровождающему: «Меня же здесь пристрелят». — «Не волнуйся. Сейчас куфию повяжем, поедem к Ясиру Арафату, сфотографируемcя. Снимок опубликуем во всех палестинских газетах, будут там и слова Арафата, который объяснит, что ты наш человек».

— О чем с Арафатом говорили?

— Он первым делом меня облобызал. Рассказал, что его жена — христианка, принявшая ислам. А тренировал я в интернате детей, у которых отцы погибли или сидели в израильской тюрьме за терроризм. После этого на десять лет мне был запрещен въезд в Израиль.

— А в Америку?

— Тоже долго не пускали. Но как-то предложили прочитать лекции в университете Сиэтла. Начал оформлять документы. Вызвали на собеседование к послу. Он говорит: «Воевали во Вьетнаме. Работали в трех странах оси зла — Иране, Ираке, КНДР. Как же вы набрались наглости ехать в Америку?!» — «Я же не прошусь к вам жить. Еду читать лекции».

— Поставили визу?

— Да. А вскоре случилось невероятное. Есть в Америке Национальный биографический институт, который выбирает «человека года». И в 2003-м эту награду вручили мне. Вон диплом на стене.

— У вас татуировка вокруг шеи. Откуда?

— Всего их шесть. Это недавняя. Полетел в Перу заключать контракт, но сорвалось. Тогда попросил отвезти меня на озеро Титикака. Почему-то казалось, что увижу там инопланетян.

— Увидели?

— Нет. Но в Перу есть Храм Солнца. Чтоб зайти, нужно сделать вот такое ожерелье на шею, иначе не пустят. На входе сидит монах и накалывает вилкой. Управляется за полчаса.

— В июне вам 72. Но выглядите моложе.

— Так с меня тибетский монастырь списал десять лет. Как монахи и обещали. Места там удивительные. Плюс воздух особый, режим. Я общался с людьми, которые 30 дней ловили солнечную энергию, не ели, не пили — и отлично себя чувствовали. Кто-то мог просидеть три недели в замурованной темнице — и выйти просветленным. В тех краях чудес немало.

— В Тибете-то как очутились?

— Сначала по линии ФИБА проводил интернет-конференции в Непале. Затем посол Валерий Назаров сказал: «Умоляю, съезди в монастырь, поучи их. Террористы обещали, что на полгода отстанут». Спрашиваю — что от меня требуется? «Тебе объяснят». На следующий день подъехали лихие ребята. Повезли в монастырь, пять тысяч метров в горах. Там двести бездомных мальчишек изучают буддизм и боевые искусства. Но так вдалбливают, что прогресса никакого — встречаясь с новой защитой, не знают, что делать. Меня попросили дать им европейское физвоспитание. Кормили, правда, жутко — лепешка, куриное крылышко, чай. Сам поражаюсь, как выдержал.

Спорт-Экспресс